

ОТЗЫВ

на диссертацию священника Вячеслава Александровича САВИНЦЕВА
на тему «Рязанская духовная консистория в середине XVIII – начале XX в.:
деятельность и развитие»,
представленную на соискание ученой степени доктора церковной истории по
специальности «церковная история».

Тема представленного священником Вячеславом Савинцевым диссертационного исследования «Рязанская духовная консистория в середине XVIII – начале XX в.: деятельность и развитие» весьма актуальна. Работа епархиальных духовных консисторий для большинства исследователей синодального периода Русской Православной Церкви, как правило, не до конца ясна, так как мало кто находит важным входить во все тонкости сложного механизма работы духовных консистории дореволюционного периода. Среди начинающих историков распространена ошибка, когда епархиальную консисторию практически полностью уравнивают и ассоциируют с тем епархиальным управлением, которое существует в современной Русской Православной Церкви. И хотя определенные параллели есть, однако у дореволюционных консисторий есть абсолютные самобытные черты, которые не остались в нынешних епархиальных управлениях. Основополагающий документ для синодальной эпохи «Духовный регламент» задает основной тон для работы духовных консисторий. И этот тон можно кратко охарактеризовать как стремление к максимально коллегиальному управлению в Церкви, чтобы исключить произвол отдельных лиц.

Диссертант не побоялся погрузиться в «сие море великое и пространное», и на примере консистории одной епархии он показывает сложный механизм работы дореволюционной духовной консистории как таковой. При этом автор выявляет как недостатки духовных консисторий, так и достоинства.

Основным источником для написания диссертации стал обширный архивный материал Государственного архива Рязанской области. Не каждый регион может похвалиться такой сохранностью архива духовной консистории. Как известно, во многих областях он был просто сожжен. Диссертант весьма умело пользуется этим фондом и открывает нам давно забытые документы, описывающие не только делопроизводство духовных консисторий, но и повседневную жизнь дореволюционного духовенства.

Не могу не отметить того, что диссертант, как и обещает в предисловии, держится максимальной объективности. С одной стороны, в работе не замечена чрезмерная идеализация синодальных времен, с другой – работа не

является гиперкритичной в отношении той системы, которая исторически сложилась в синодальную эпоху. В разделах судопроизводства автор смело открывает пороки и нравственные недостатки духовенства того периода. В то же время автор показывает и те несправедливые обвинения и клеветы, которым подвергались клирики по доносу завистников и недоброжелателей.

Отмечу прекрасный стиль, которым написана диссертация. Автор, несомненно, уже имеет твердый навык по написанию академических текстов. Работа производит весьма положительное впечатление.

Однако в содержании исследования есть нюансы, уточнение которых, как кажется, значительно улучшило бы диссертацию при ее возможной последующей публикации.

Приведу несколько из них.

На стр. 55 перечисляются виды наказаний провинившимся клирикам. Среди прочего есть упоминание о «лишении монашества». Из текста не совсем ясно, от себя ли автор это пишет, обобщая изученный материал своими словами, или автор заимствует название этой меры наказания из официальных документов. В первом случае – это ошибка. Во втором случае – требуется ссылка и пояснение. Почему? Потому что, согласно канонам Вселенской Церкви, монашество не является честью, а уничижительным путем покаяния (Трулл. 43), а покаяния никак нельзя лишить. Монашество теряется только в том случае, если человек сам от него отрекается или если он подпадает отлучению от Церкви. Возможно, здесь речь идет об исключении из духовного звания, так как в Императорской России все монахи принадлежали духовному сословию. В этом случае нужно было это пояснить в сноске.

В самом начале главы 2.2 говорится о том, что у секретаря имелась власть «часто не зависящей от архиерейской» (стр. 61). Но далее по тексту это довольно важное утверждение как бы надолго забывается (вплоть до главы 2.4 стр. 134). Автор не приводит ни положения из Устава о духовных консисториях, подтверждающее эти чрезвычайные полномочия секретаря, ни конкретного случая. То, что из-за странной смерти казначея консистории (дело Рысина), оставившего подозрительную предсмертную записку, был переведен архиерей и викарий, все же не основательно доказывает эти полномочия. Если только автономия секретаря и прямое его подчинение обер-прокурору Синода можно посчитать полномочиями, равными или даже выше полномочий епархиального архиерея. Но на это положение нужно было сделать особый акцент.

При этом автор, конечно, прав в своем утверждении, что иногда полномочия секретаря превышали полномочия архиерея. Но подтверждение этому мы находим не скоро – только в главе 2.4., где говорится, что на секретаря возлагалась обязанность писать в Синод, если архиерей не в состоянии управлять. И хотя о неспособности еп. Аркадия (Карпинского)

управлять епархией по болезненности сообщил в Синод не секретарь, а ревизор Синода (152-153), однако здесь все же упоминаются властные полномочия секретаря, даже если секретари не всегда пользовались этой прерогативой. Этот прецедент можно было бы вынести в заключение главы 2.4.

На стр. 128 приводится в качестве отрицательного примера случай, когда Вологодский епископ Израиль уговаривал следователя – священника Попова (он и вспоминает этот случай) поступить милостиво с одним клириком, у которого были нарушения, влекущие лишение сана, но у которого было тяжелое семейное положение. Священник Попов сделал так, как просил владыка – решил дело по милоти, учитывая тяжелое семейное положение клирика. В диссертации это приводится в качестве примера несовершенства судебной системы в те времена. Причем, как кажется, с осуждением епископа, желавшего смягчить наказание провинившемуся клирику, так как от строгого наказания страдала бы вся большая семья священника. Не берусь здесь спорить с автором, который имеет право оценивать те или иные канонические казусы епархиальной жизни. Но скажу, что этот случай показывает, что система, действительно, была несовершенной. И не потому, что епископ по своему усмотрению смягчает наказание, а потому что тот, у кого полная каноническая власть над своими клириками, должен при этом упрашивать о помиловании священника-следователя. В данном случае виден явный перекося в сторону светского права над церковно-каноническим, так как епископ имеет все права миловать своего клирика и смягчать ему наказание (Трул. 102).

На стр. 134 читаем предложение «Особенностью было то, что вся документация проходила через канцелярию консистории, но итоговое решение всех епархиальных вопросов оставалась в ведении архиепископа». Слово "архиепископа" надо бы заменить на слово «архиерея» или «или правящего епископа», так как управляющим епархией (в том числе и Рязанской) мог быть архиерей в различных санах: митрополит, архиепископ и епископ.

162. Хорошо было бы поместить в текст упомянутые 24 правила, составленные еп. Димитрием (Сперовским), для обозначения полномочий викария. И, пожалуй, хорошо было бы обязанности викария вынести в отдельную главу, как это сделано с обязанностями секретаря консистории.

На стр. 170 читаем: "... в связи с приверженностью к алкоголизму в 1892 г. диакон Виноградов был окончательно лишен сана и отправлен за штат". Точно ли здесь выражение? В современной церковно-канонической практике лишенных сана нельзя отправить за штат. Заштатное состояние предполагает отрешение от всех должностей, но без лишения сана. Если это выражение из архивного документа, то лучше его взять в кавычки из-за необычности выражения и сделать пояснительную сноску, как, например, мы встречаем на стр. 182, где объясняется, что по дореволюционной практике лишение сана не

означает исключение из духовного сословия, так как лишенный сана мог отправлять должность причетника.

Стр. 206. Совершеннолетие невесты ошибочно указано как 18 лет, тогда как постановлением Св. Синода от 19.07.1830 г. совершеннолетием невесты определяется 16-летний возраст. В пользу этого возраста говорит и контекст: 15-летней невесте, как говорится в работе, не хватало до совершеннолетия 10 месяцев.

На стр. 209 говорится о заключенных браках с большой разницей в возрасте между женихом и невестой. Автор в сноске вспоминает закон от 1744 года, согласно которому после 80 лет брак запрещен. Но здесь уместно было бы вспомнить другой синодальный указ от 20.02.1860 г., согласно которому препятствием к браку усматривается также большая разница в возрасте между женихом и невестой. В соответствии с этим указом, священникам полагалось внушать желающим вступить в брак, у которых большая разница в возрасте, что таковой брак имеет ряд неудобств, при этом, однако, в случае их упорства не разрешается им отказывать в венчании.

На стр. 237 автор относит дьячков и пономарей к разряду мирян. Здесь надо понимать, что и пономари, и дьячки (псаломщики) могли принимать посвящение, то есть хиротесию. В дореволюционной традиции это называлось «посвящение в стихарь». Если пономари и дьячки были посвящены через хиротесию, то с канонической точки зрения называть их мирянами будет неправильно, как как к ним уже применяются те правила, которые регулируют жизнь клириков. Если же низшие служители исполняли свое служение без посвящения, то они, действительно, были мирянами.

Все вышеприведенные замечание никоим образом не влияют на самое положительное впечатление от диссертации. Трудов положено много!

Считаю, что диссертант священник Вячеслав Савинцев достоин искомой ученой степени доктора церковной истории. Желаю ему не останавливаться на достигнутом.

Кандидат богословия,
доцент кафедры богословия
Московской духовной академии

епископ Веневский Феодорит
(Тихонов Михаил Анатольевич)

31 августа 2024 г.

*Подпись епископа Веневского
Феодорита (Тихонов Михаил Анатольевич)
подтверждено
Бухгалтер Михаил - Предтеченского храма
г. Венева (Мискогонюв М.А.)*

